

РЕАЛИИ СОПРЕДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

Создавая нацию: политика идентичности в постсоветских государствах

Д.Э. ЛЕТНЯКОВ*

*Летняков Денис Эдуардович – кандидат политических наук, научный сотрудник, Центр теоретической и прикладной политологии, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС). Адрес: 119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1. E-mail: letnyakov@mail.ru

Цитирование: Letnyakov D. (2016) Nation-Building: Identity Policies in Post-Soviet States. *Mir Rossii*, vol. 25, no 2, pp. 144–167 (in Russian)

После распада СССР перед постсоветскими государствами встала задача формирования политической нации. Многие из них не имели длительной традиции собственной государственности, не являлись гомогенными в этнокультурном смысле, а кроме того, независимость от союзного центра, полученная в 1991 г., в большинстве случаев не была результатом широкого народного движения. В данной ситуации от политических элит требовались целенаправленные усилия по легитимации нового независимого существования и консолидации общества. В статье исследуются различные стратегии, реализуемые на постсоветском пространстве в рамках процесса нациестроительства, в том числе создание исторического нарратива, активное использование постколониального дискурса, формирование представления о национальном государстве как собственности доминирующей этнической группы и т.д. Помимо этого, автор анализирует сложности, с которыми сталкиваются постсоветские общества в ходе осуществления политики нациестроительства, среди которых конфликты идентичностей и ценностные расколы, «войны памяти», ведущиеся между разными странами по поводу интерпретации истории, и пр.

В статье делается вывод, что, несмотря на разницу стартовых условий и специфику каждого отдельного случая, постсоветские государства, тем не менее, имеют много общего в реализации своей политики идентичности. Кроме этого, автор полагает, что в целом усилия по нациестроительству на постсоветском пространстве могут быть признаны успешными, поскольку всем государствам бывшего СССР удалось избежать участи типичного failed state. В то же время процесс нациестроительства далек от своего завершения, так как постсоветские политики до сих пор испытывают дефицит устойчивой общегражданской лояльности.

Ключевые слова: нация, империя, СССР, идентичность, постсоветское пространство, политика памяти, нациестроительство

На обложке номера, посвященного 20-летию украинской независимости, популярный еженедельник *Weekly.ua* поместил изображение знаменитой скульптуры Лаокоона с сыновьями, борющимися со змеями. Свой выбор обложки редакция объяснила так: подобно Лаокоону, «угнетенные народы [Советского Союза] сражались с огромной империей», стремясь «вырваться из ее пут», и, в конце концов, они победили [*Пидвезенный* 2011, с. 4]. Стоит признать, что сравнение действительно получилось эффектным и запоминающимся, однако всем, кто хорошо помнит крах советской системы, оно, тем не менее, покажется весьма спорным.

Во-первых, СССР распался вовсе не из-за того, что «угнетенные народы» восстали – толчок к его крушению был дан в центре империи, а не на периферии¹. Во-вторых, хотя в СССР все пятнадцать союзных республик и провозглашались «домом» того или иного народа («титულიной нации»), все же их границы не были проведены строго по этнонациональному принципу. Это были скорее границы административно-территориальные, зачастую нарезанные достаточно произвольно. Многие республики представляли собой пестрый конгломерат этнических и языковых групп, а кое-где большую роль по-прежнему играли племенные и региональные лояльности. Поэтому картину, на которой пятнадцать смелых воинов, символизирующих украинский, молдавский, узбекский и другие титульные народы союзных республик, в неравной борьбе вырывают у жестокой империи свободу и независимость, трудно вообразить, не прибегая к насилию над фактами. На самом деле ситуация была гораздо более сложной и неоднозначной. Достаточно сказать, что сколько-нибудь сильные национальные движения к 1991 г. обнаруживались далеко не во всех республиках, а в Молдавии и Грузии часть населения выступала не против союзного центра, а против лозунгов национализма и сепаратизма, исходивших от республиканских властей (имеются в виду Приднестровье, Гагаузия, Южная Осетия и Абхазия).

Именно вследствие того, что новая политическая реальность в 1991 г. возникла, по сути, неожиданно для значительной части граждан бывшего СССР, многие постсоветские государства стали «нациями поневоле», пользуясь выражением немецкого историка К. Мейера [*Франсуа* 2011, с. 33]. Именно вследствие того, что бывшие союзные республики в основном не являлись гомогенными в этнокультурном смысле, а кроме того, сразу же после распада Советского Союза они вынуждены были пройти через болезненную социальную и экономическую трансформацию, перед элитами этих государств с самого начала встала задача легитимации нового независимого существования и консолидации общества. А для этого нужно было создать политическую нацию со своими мифами и нарративами, обосновать правомерность ее нахождения в существующих границах, обеспечить лояльность населения новой власти, сформировать чувство солидарности и «общности по истории и судьбе»². Иначе говоря, элиты постсоветских государств должны были осуществлять комплекс мер, которые в современной гуманитаристике принято

¹ Вспомним хотя бы, что РСФСР приняла Декларацию о государственном суверенитете раньше большинства союзных республик – 12 июня 1990 г., во многом спровоцировав дальнейший парад суверенитетов.

² Формулировка Энтони Смита [*Тишков, Шницерман* 2008, с. 16].

обозначать понятиями «политика идентичности», «нациестроительство» (*nation-building*), «изобретение традиции»³, «политика памяти» и т.д.

Конечно, особая роль здесь отводилась процессам создания (или существенной ревизии) исторического нарратива, ведь, по известному выражению Э. Хобсбаума, «прошлое и *есть* то, что создает нацию» [Хобсбаум 2002, с. 332]. Любое государство через СМИ, систему образования и другие институты социализации формирует у своих граждан коллективную память о каких-то судьбоносных событиях прошлого, определенным образом организует символическое пространство, возводит исторические монументы, учреждает официальные праздники, создает музеи и другие места памяти [Нора 1999]. В этом смысле пример молодых государств бывшего СССР не является чем-то уникальным: французы, немцы или американцы существуют в рамках таких же «изобретенных традиций»⁴. Скорее, специфика постсоветских кейсов в том, что традиции изобретаются непосредственно на наших глазах (кроме того, порой это делается чересчур эксцентрично, мало соотносясь с реальными фактами), что и заставляет относиться к ним именно как к придуманным, сфальсифицированным, тогда как устоявшиеся нарративы государств с более продолжительной историей часто воспринимаются в качестве чего-то подлинного, неизобретенного.

Стоит также отметить, что постсоветские государства в осуществлении своей политики нациестроительства не должны были начинать с чистого листа. В советское время очень многое уже было сделано для формирования национального самосознания нерусского населения: проведено национальное размежевание территории СССР с выделением титульных этнических групп, создана национальная интеллигенция и руководящие кадры, на национальных языках в республиках выходили книги и газеты, велось преподавание в школах и вузах, в каждой республике создавалась национальная версия истории, пусть и вписанная в общесоветский исторический нарратив и т.д. [Мартин 2011]. Это еще одна причина, по которой приведенный выше драматичный образ Лаокоона представляется не слишком убедительным: империи, конечно, нередко подавляют национализм своих народов, но они же и в немалой степени способствуют формированию национальных идентичностей. Без «советской империи» большинства новых независимых государств просто не было бы в том виде, в каком они существуют сегодня, хотя соображения политического характера не позволяют истеблишменту этих государств признать данный факт. Поэтому, наверное, правильнее было бы говорить о том, что постсоветские элиты должны были заниматься не строительством национальных государств, а их достраиванием – во многом из того материала, который им остался в наследство от советского периода.

Предлагаемая статья посвящена анализу политики идентичности и нациестроительства на постсоветском пространстве. Разумеется, формат работы позволяет провести лишь обзорное исследование, в рамках которого внимание будет сосредоточено на некоторых представляющих интерес сюжетах. В них так или иначе будут затронуты все признанные государства бывшего СССР, за исключением России; она представляет собой особый случай как ядро развалившейся империи, как бывшая метрополия, и для нее требуется отдельный разговор.

³ Термин, ставший популярным после выхода в 1983 г. одноименного сборника под редакцией Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера [Hobsbawm, Ranger 1983].

⁴ Некоторые европейские примеры «изобретения традиции» исследованы в упомянутом выше сборнике Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера.

Постколониальный дискурс

Многие государства постсоветского пространства рассматривают себя в качестве бывших российских колоний, соответственно, политика памяти там во многом строится на противопоставлении мрачного советского и досоветского прошлого, с одной стороны, и периода независимости, с другой, открывающего перед освобожденным народом новые перспективы⁵. Хотя степень самовиктимизации в разных странах неодинакова: например, в Казахстане идут серьезные дебаты о том, какие последствия имела их инкорпорация в состав России [Abashin 2012, p. 152]. Практически невозможно представить себе подобные дискуссии в Латвии, где важнейшим местом памяти стал Музей оккупации 1940–1991 гг., а официально отмечаемой датой является День памяти жертв коммунистического геноцида [Никифоров 2013, с. 129].

Заметным исключением здесь остаются, пожалуй, лишь Беларусь, Таджикистан и Армения, где постколониальный дискурс фактически является маргинальным, на что есть свои причины. В Армении национальное движение на излете советской эпохи формировалось не в противовес русским, но с анти-тюркских позиций, что было связано с событиями вокруг Нагорного Карабаха. Карабахский конфликт актуализировал в общественном сознании армян традиционное представление о своей стране как о форпосте против тюркской и исламской угрозы на Востоке, а о самих армянах как о народе, всю свою историю существующем во враждебном окружении (укорененности этого представления способствует и память о геноциде 1915 г. – событии, которое по своей символической мощи может мало с чем сравниться в армянской истории). В этом контексте образ христианской России связан не столько с какими-то негативными воспоминаниями, сколько с идеей многовекового противостояния общему врагу. Аналогичным образом в Таджикистане, где место исторического врага занято узбеками, отношение к дореволюционному и советскому периоду достаточно позитивное: пребывание в составе России/СССР рассматривается прежде всего не в логике колонизации и оккупации, а с точки зрения защиты таджикского языка, культуры и создания национальной государственности (в форме союзной республики) [Abashin 2012, pp. 152–153]. Что касается Беларуси, то в этой республике, которая до 1991 г. была, наверное, самой русифицированной и советизированной из всех союзных (разумеется, кроме РСФСР), за двадцать лет правления А. Лукашенко так и не была проведена деконструкция основополагающих положений советского нарратива о дружбе белорусского и русского народов, о Великой Отечественной войне и т.д. Достаточно упомянуть, что официально отмечаемым Днем независимости страны является не дата принятия Декларации о государственном суверенитете, а день освобождения Минска от гитлеровских войск в 1944 г. Хотя в первые, долукашенковские, годы существования независимой Беларуси национальная историография активно использовала колониальные темы [Токть 2006].

Стоит отметить, что желание утвердить новую идентичность на оппозиции имперскому прошлому, трактовка его исключительно в черных тонах, стремление

⁵ В Туркмении времен С. Ниязова официальный лозунг гласил: «XXI век – золотой век туркменского народа» [Дадабаева 2008, с. 115].

вытеснить из символического пространства все, связанное с бывшей метрополией, – явления, так или иначе характерные для многих государств, оказавшихся в аналогичной ситуации, особенно на первом этапе после обретения независимости. Возникает вопрос: как к этому относиться? С одной стороны, эти острые темы (подсчитывание ущерба, нанесенного «колонизацией», требования извинений от метрополии за имперские преступления) являются безотказным средством для увеличения политического капитала, искусственного подогрева эмоций во время избирательных кампаний и т.д. Но не стоит забывать и о другой стороне вопроса. История любой империи – это не только модернизация периферии, распространение на нее просвещения, строительство дорог, школ и т.д. Это еще и насильственное включение народов в свой состав, широкое применение репрессий и другие малоприятные вещи. Многие народы бывшего СССР действительно хранят исторические обиды на советскую власть, которая в их сознании часто отождествляется с русскими, как с «имперским» народом, хотя на самом деле русские пострадали от тоталитарной машины не меньше остальных. Кроме того, дискурс тяжелого колониального прошлого является важным инструментом в политике нацистроительства, поскольку позволяет представить исторический путь народа как долгую борьбу за свободу и независимость и таким образом легитимировать новую государственность, возникшую после 1991 г., как главное завоевание нации в ее истории, реализацию ее многовековых чаяний.

Антиимперская логика объясняет тот факт, что, с одной стороны, в пантеон героев новых независимых государств вошли персонажи, весьма спорные с точки зрения российского исторического нарратива – басмачи в Узбекистане или И. Мазепа в Украине, а, с другой стороны, антигероями оказались те, кто в российских учебниках истории неизменно подается со знаком плюс (атаман Ермак в Казахстане). По этой же причине (чтобы подчеркнуть степень страдания народа в составе империи) в Казахстане и особенно на Украине регулярно поднимается тема голодомора как геноцида, т.е. специально организованного «русской» властью мероприятия. Далеко не случайна и замена во многих республиках эмоционально нагруженного понятия «Великая Отечественная война» нейтральным «Вторая мировая» или «советско-германская». Советский нарратив о войне выполнял важную функцию консолидации населения СССР в «единую общность» под названием «советский народ», следовательно, разрушение этого нарратива – один из шагов по борьбе с советским наследием и общей исторической памятью населения бывшего Союза.

Не вызывает сомнения, что исторический нарратив, продуцируемый элитами, оказывает прямое влияние на историческое сознание общества в целом, что видно в том числе и по данным социологических опросов. Сошлюсь на подробное исследование, проведенное в 14 государствах бывшего СССР (за исключением Туркменистана) агентством «Евразийский монитор». Целью проекта было выявление восприятия молодежью разных стран события советской и постсоветской истории. Оказалось, что разница в восприятии довольно существенная: например, в Грузии, где все годы независимости активно внедрялся постколониальный дискурс, приход к власти большевиков в 1917 г. негативно оценивают более 50% респондентов, в то время как в среднеазиатских государствах, где ревизия истории проходила в гораздо более мягких формах, «однозначно отрицательно» к Октябрьской революции относятся лишь 4–5% опрошенных. Кроме того, жители Центральной Азии в основном положительно оценивают большинство

событий советского периода и скорее не одобряют распад СССР (в этом вопросе к ним присоединяются и белорусы – только 5% из них воспринимают события 1991 г. «безусловно положительно»); в среднем около 70% жителей Средней Азии и Беларуси и 61% жителей Армении полагают, что СССР проводил миролюбивую внешнюю политику (для сравнения: в Литве того же мнения придерживаются лишь 13% опрошенных⁶).

Возвращение в Европу

Еще одной популярной стратегией обеспечения легитимности для части постсоветских государств стало использование мифологемы о возвращении в Европу. Согласно ей, тот или иной народ рассматривается как издревле принадлежащий к европейской цивилизации. Например, в эстонских учебниках можно прочесть, что страна стала «неотъемлемой частью западного мира» в ходе завоевания Прибалтики крестоносцами в XIII в. [Никифоров 2013, с. 132]. Будучи искусственно вырванной из европейского лона в результате включения в состав деспотической и азиатской России, нация в 1991 г. наконец-то получила реальный шанс вернуться на естественный для себя путь, исправив историческую несправедливость.

То, что идеология возвращения в Европу столь востребована в странах Балтии, вполне объяснимо. Во-первых, в этом регионе исторически сильно культурное влияние немецких земель, Дании, Швеции и Польши, католической церкви, а позднее протестантизма. Во-вторых, прибалтийские государства вошли в состав СССР позже всех, и к 1940 г. там уже успели оформиться достаточно устойчивые национальные идентичности, которые сложились именно как идентичности европейские [Фурман 2002]. В-третьих, к началу перестройки в Прибалтике еще были живы многие люди, помнившие досоветскую действительность. Это стремление к скорейшей (ре)интеграции в западное сообщество рассматривается многими исследователями как важный фактор, способствовавший успешному построению в Эстонии, Латвии и Литве рыночных и демократических институтов⁷, поскольку оно блокировало возможности появления каких-либо серьезных идеологических альтернатив ценностям стандартам Запада и помогало обществу примириться с высокими социальными издержками, которые сопровождали трансформацию 1990-х гг. [Бейссингер 2002; Сутела 2002].

Однако страны Балтии были не единственные, кто активно использовал мифологему о своей исконной европейскости. Скажем, Молдавия, чтобы подчеркнуть свою связь с историей Европы, позиционирует себя как землю «потомков римлян и даков». В высшей степени символично, что вход в молдавский Национальный музей истории украшает скульптура волчицы, кормящей Ромула и Рема [Благодатских 1999, с. 203]. Грузия вспоминает о посещении древней Колхиды аргонавтами: именно этот аргумент использовал М. Саакашвили, выступая перед депутатами Европарламента в 2006 г., в доказательство того, что «грузины

⁶ См. исследовательский проект «Восприятие молодежью новых независимых государств истории советского и постсоветского периодов». Апрель-май 2009 г. // <http://www.eurasiamonitor.org/rus/files/163/file/090909.pdf>.

⁷ Хотя особенности эстонского и латышского законов о гражданстве заставляют охарактеризовать демократию в этих странах как этническую, поскольку почти все нетитульное население вскоре после 1991 г. было лишено права полноценного участия в политической жизни. О термине «этническая демократия» см. [Ачкасов 2012., с. 93].

являются европейцами» с глубокой древности [Шнирельман 2011, с. 376]. Беларусь (особенно активно до прихода к власти А. Лукашенко) обосновывала свои претензии на европейскость историческим наследием Великого княжества Литовского с его Магдебургским правом и шляхетскими вольностями. На Украине были взяты на вооружение вечевые вольности Киевской Руси и казацкая демократия Запорожской Сечи, которые должны показать, что имманентно присущие украинскому обществу самоуправление и стремление к свободе выгодно отличают его от России с ее азиатской политической традицией.

Вообще вряд ли будет преувеличением сказать, что лозунг «Украина – не Россия» (именно так назвал свою книгу второй украинский президент Л. Кучма) является определяющим для политической идентичности современной Украины. Тут работает та же логика максимального дистанцирования от общего прошлого, о которой говорилось выше, и в этом смысле очень важно обосновать, что Украина – не какая-то Малороссия, а украинцы и русские – это не братские народы, как постулировалось в советском нарративе. Теперь объявляется, что Украина – это страна с иной цивилизационной идентичностью, историей, укладом жизни, менталитетом; Украина – это европейская страна, которой Россия вот уже 350 лет мешают жить по-европейски. Порой стремление продемонстрировать наличие устойчивого европейского вектора в украинской истории принимает несколько курьезные формы. Например, сегодня украинские школьники читают в учебниках о создании в их стране «первой в Европе конституции» [Касьянов, Миллер 2011, с. 58] (речь идет о документе, составленном в 1710 г. атаманом Пыльпом Орликом, соратником гетмана И. Мазепы), а в одной из аналитических записок, подготовленных Институтом стратегических исследований при президенте Л. Кучме, политический строй Гетманщины времен Б. Хмельницкого был охарактеризован как «президентская республика... европейского образца» [Касьянов, Миллер 2011, с. 58–59].

Те постсоветские государства, которые в силу географических причин не могут претендовать на то, чтобы быть исконной частью Европы, тем не менее, часто обнаруживают у себя историческую предрасположенность ко многим западным ценностям, например, к таким как свобода и демократия. В Казахстане и Киргизии очень популярны дискуссии о «степной» или «кочевой» демократии, которая была свойственна этим народам с древности. Интересно, что в Киргизии обе революции – 2005 и 2010 гг. – апеллировали к этим традициям кочевой демократии; этими же традициями обосновывалось установление в Киргизии парламентской республики после свержения К. Бакиева. Вот как говорила об этом известный киргизский политик Р. Отунбаева: «Мы идем на парламентское правление... опираясь на древнюю кыргызскую историю, на менталитет нашего народа... Дух демократии заложен в традициях наших предков, он позволил нам сохранить себя в течение тысячелетий» [Фурман, Шерматова 2013, с. 133]. В свою очередь, азербайджанцам предлагается вспомнить, что Азербайджанская демократическая республика, провозглашенная в 1918 г., стала первой страной с республиканской формой правления в мусульманском мире, о чем не преминул подчеркнуть президент А. Эльчибей в своей инаугурационной речи: «В эти дни все мы с безграничным почтением вспоминаем май 1918 г., наших славных предшественников, первыми на Востоке объявивших об установлении республиканского правления и выбравших прогрессивный путь демократического развития» [Фурман, Абасов 2011, с. 33].

Войны памяти на постсоветском пространстве

Все постсоветские государства так или иначе связывает общее прошлое. Понятно, что его интерпретации в разных странах могут не совпадать, а порой быть прямо противоположными. В условиях становления национальных государств и конструирования национального политического дискурса история бывает особенно сильно политизирована, а расхождения в толковании исторических событий и оценке деятелей прошлого вызывают необычайно яростные споры. Подобные конфликты уместно объединить понятием «войны памяти»⁸.

Например, Литва и Беларусь много лет спорят по поводу того, кто имеет больше оснований включить в свой исторический нарратив эпоху Великого княжества Литовского (ВКЛ). Обе страны могут предъявить свои козыри в этой дискуссии: с одной стороны, прилагательное «литовское» в названии государства, нахождение столицы в Вильно (современный Вильнюс), с другой, старобелорусский язык в качестве официального, этнический состав населения (ВКЛ преимущественно населяли люди, которых позже станут называть белорусами). И для Литвы, и для Беларуси стать историческим преемником этого некогда могущественного государства означает продлить собственную историю вглубь веков, обосновать свои претензии на исконную европейскую идентичность, создать базовый нарратив о событиях прошлого, который помог бы сплотить нацию в настоящем.

Определенные параллели с белорусско-литовскими дискуссиями можно найти в претензиях Украины считаться единственным наследником Киевской Руси. В традиционном российском нарративе домонгольский период расценивается в качестве момента зарождения отечественной государственности, первым ее этапом, где еще не существовало разделения на русских, украинцев и белорусов. Однако после обретения независимости Украиной на вооружение была взята историческая концепция, придуманная еще энтузиастами украинского национального движения в XIX – начале XX вв., согласно которой Киевская Русь – это «первое украинское государство», а собственно российскую государственную традицию правильнее вести лишь с Московской Руси⁹. Для молодого украинского государства такая версия национальной истории выполняет важную компенсационную функцию: она помогает не только преодолеть комплекс младшего брата по отношению к России, но, более того, она позволяет «старшему и младшему брату поменяться местами», ведь украинская политическая традиция становится древнее российской [Васильев 1999, с. 214–221]. Следует отметить, что символическая приватизация Украиной истории Киевской Руси прошла вполне успешно: украинские денежные знаки украшают фигуры древнерусских князей, одной из высших государственных наград Украины является орден Ярослава Мудрого, в системе украинского образования однозначно принята именно эта версия истории. Что касается России, то вряд ли можно утверждать, что она ведет какую-то серьезную полемику

⁸ Это понятие заимствовано у В. Шнирельмана [Шнирельман 2003].

⁹ В качестве примера использования этого исторического нарратива см. [Stepanenko, Sorokopud 1999, pp. 184–185]. Эта статья примечательна тем, что воспроизводит все ключевые мифы украинской национальной историографии, порой даже в несколько карикатурном виде. Прочитую лишь один фрагмент, касающийся татаро-монгольского ига: «Русские смирились (humbled) перед татарами и в течение двухсот лет сотрудничали со своими завоевателями, в то время как украинцы сопротивлялись им» [Stepanenko, Sorokopud 1999, p. 185].

(в том числе академическую) по этому поводу. Скорее, есть ощущение, что в России канонический нарратив, идущий еще от Н.М. Карамзина, воспринимается как нечто само собой разумеющееся, а украинская трактовка истории – как грубая попытка фальсификации, не достойная дискуссии.

Войны памяти не обошли стороной и Закавказье, где налицо серьезная конкуренция за право называться самым древним и культурным государством региона. Грузия активно использует миф о Колхидском царстве, с которым якобы взаимодействовали еще античные греки. Прочертив линию прямой преемственности между древней Колхидой и современной Грузией, официальный Тбилиси смог отпраздновать в 2000 г. 3000-летие национальной государственности [Шнирельман 2003, с. 348]. Однако Армения вовсе не желает уступать Грузии статус древнейшей цивилизации в Закавказье. Помимо того, что Армения считает себя наследницей государства Урарту (что само по себе делает армянскую государственность много старше грузинской), в 2001 г. пышные торжества, посвященные 1700-летию принятия Арменией христианства, должны были напомнить всему миру о том, что именно эта страна является первым в мире христианским государством [Искандарян, Арутюнян 1999]. В свою очередь азербайджанцы отсчитывают начало своей государственности от Мидийского царства, а самих мидийцев считают своими древнейшими предками (несмотря на то, что мидийцы не были тюрками). Для того чтобы обогатить азербайджанское культурное наследие, происходит включение в него таких фигур как Низами: классик средневековой персидской поэзии объявлен «великим азербайджанским поэтом» на том лишь основании, что он жил на территории современного Азербайджана. Кроме того, «азербайджанским национальным героем» становится любой персонаж прошлого, которого можно хоть как-то идентифицировать как тюрка [Румянцев 2011, с. 349].

Кстати, ровно по той же причине, по какой Низами стал азербайджанцем, в казахи был зачислен великий средневековый мыслитель и ученый Аль-Фараби, родившийся в границах нынешнего Казахстана [Шнирельман 2000]. Этот нехитрый прием широко используют также узбекские и таджикские авторы, пытающиеся представить своими соотечественниками различных деятелей, принадлежащих персидской культурной традиции.

Все вышеописанные ситуации вполне объяснимы: новые нации испытывают острую потребность в героях, в объединяющих общество фигурах, которые могут стать символами государства; крайне важна возможность апелляции к глубокой культурной и государственной традиции, которая позволит людям почувствовать древность и величие своих народов. Если такая традиция по факту отсутствует (или кажется недостаточно величественной), то ее нужно изобрести.

Кроме того, процесс изобретения традиции, по всей видимости, преследует не только внутри-, но и внешнеполитические цели. Скажем, в Закавказье борьба за звание самой цивилизованной нации происходит на фоне непростых отношений между государствами региона и может объясняться самыми разными мотивами, вплоть до банального унижения недружественного соседа, представления его диким и отсталым народом на фоне собственного великого прошлого. Предлагаем вниманию и другой пример: в начале 1990-х гг. в Центральной Азии была довольно популярна идея объединения всех среднеазиатских государств в некий альянс. Конечно, сразу встал вопрос о том, какая страна станет ядром этого объединения. Президент Узбекистана И.А. Каримов заявил, что главная роль должна принадлежать Узбекистану как главному наследнику исторического Туркестана, глава

Казахстана Н.А. Назарбаев обосновал особое значение своей страны в регионе тем, что она исторически служила мостом между Европой и Азией и сегодня может претендовать на такую же роль. А власти Киргизии полагали, что именно их страна должна первенствовать в данном альянсе, поскольку является «наиболее демократичной страной в Центральной Азии» [Abashin 2012, pp. 161–162] (вспомним дискуссии о глубоких традициях «кочевой демократии» в республике).

Отметим, что именно в государствах Средней Азии процесс изобретения традиции принял наиболее гротескные формы (соперничать с ними может, пожалуй, только Украина): так, в современном Таджикистане создан культ средневекового правителя Исмаила Самани. Последний считается основателем таджикской государственности (хотя границы его державы сильно не совпадали с территорией нынешнего Таджикистана). В его честь переименована некогда самая высокая горная вершина в СССР – Пик Коммунизма, ему установлен грандиозный памятник в центре Душанбе. Возле этого монумента размещена каменная карта с изображением территории «Большого Таджикистана», а под ним понимается ареал «исторического расселения таджикского народа в I тыс. н.э.», включающий в себя всю территорию Узбекистана, часть территории Казахстана, Киргизии, Туркмении, Китая, Афганистана и Ирана [Абашинов 2008, с. 366].

Своеобразным проявлением войн памяти можно считать и выстраиваемую азербайджанскими элитами мифологию постоянных страданий своего народа в истории, в пику уже упоминавшейся мифологии армянского страдания. В этом смысле очень показательны три официальные даты, широко отмечающиеся в сегодняшнем Азербайджане: 31 марта – День геноцида азербайджанцев, 26 февраля – День геноцида в Ходжалы, 20 января – День поминовения жертв Черного января [Смит 2001, с. 107–109]. Все три даты отсылают к событиям, в ходе которых азербайджанцы пострадали от армян или от властей Российской империи и Советского Союза. Как видим, в национальной памяти азербайджанцев теперь существует свой геноцид, и тем самым их главные противники, армяне, как бы утрачивают монополию на страдание, поскольку для последних геноцид 1915 г. является одним их базовых национальных мифов.

Конфликты идентичностей

Для формирующихся политических наций нередки ситуации, когда войны символов, смыслов и исторических дат ведутся не между разными государствами, как было показано в предыдущей главе, но имеют гражданский характер, т.е. проходят внутри самого общества. Это означает, что в обществе не существует базового согласия по поводу ценностей и интерпретации своего прошлого, а зачастую и относительно желательной картины будущего.

Классическим примером является Украина с ее разделением на Восток и Запад, жители которых апеллируют к разным версиям национальной истории, имеют свои пантеоны героев, и – самое главное – неоднозначно относятся друг к другу. Скажем, на Западной Украине население восточных областей нередко воспринимается как «недоукраинизированные русские» и «совки». Все годы после обретения независимости этот раскол непосредственно определял украинскую политику и накладывал свой отпечаток на избирательные кампании в стране: политические

силы всегда делились на тех, кто получает преимущественную поддержку на востоке и тех, кто опирается на западно-украинский электорат. Он проявлялся на символическом уровне начиная с того момента, когда в 1992 г. украинские коммунисты протестовали против введения «тризуба» и «жовто-блакитного» флага в качестве государственных символов (для них это была символика националистов), и заканчивая отменой президентом В.Ф. Януковичем указа о присвоении С. Бандере и Р. Шухевичу звания Героя Украины. Показательно, что сразу после отмены этого скандального указа три западно-украинских областных совета заявили о том, что киевская власть носит «оккупационный характер» и «ведет войну с украинцами» [Неменский 2011].

Ценностный раскол в Украине всегда рассматривался как нечто непреодолимое, однако существует вероятность, что нынешние события на юго-востоке страны, которые значительной частью украинского общества воспринимаются как война с Россией, положат конец многолетнему сосуществованию двух враждующих политических культур, «западенской» и «малороссийской», или, по крайней мере, смягчат остроту противоречий между ними. С некоторыми оговорками можно утверждать, что ядром этого конфликта идентичностей было и есть отношение к России [Кравченко 2006, с. 476]. Сегодня мы видим, что и на востоке Украины антироссийские настроения становятся все более распространенным явлением, и насколько этот тренд устойчив, покажет время.

Схожая ценностная фрагментированность существует и в Беларуси. По мере продвижения с востока на запад страны становится все более ощутимо влияние Польши, католичества и вообще европейской культуры и истории; часть жителей Западной Беларуси до сих пор называет себя «литвинами», популярно представление об особой белорусской идентичности, в рамках которой страна воспринимается как «восточная граница европейской цивилизации» [Константинов, Ушаков 1999, с. 92]. При этом некоторые исследователи полагают, что можно обнаружить определенную корреляцию между конфессиональной принадлежностью белорусов и особенностями их идентичности. Католики и протестанты обычно являются более проевропейскими, среди униатов преобладает ощущение своей белорусскости (*Belarusianness*), в то время как прихожане православной церкви более склонны оперировать идеями славянского братства и вообще придерживаются пророссийской ориентации [Miazhevich 2012, p. 351].

Однако степень ценностного раскола в Беларуси не идет ни в какое сравнение с Украиной. Белорусский национализм всегда был явлением гораздо более маргинальным, чем национализм украинский. Хотя в короткий период до 1994 г., когда в стране были сильны позиции Белорусского Народного Фронта и умеренных национал-демократов (типа С.С. Шушкевича), предпринимались попытки превратить националистическую идеологию в мейнстрим, запустить процесс белорусизации республики, однако среди абсолютного большинства населения это не вызывало никакой поддержки. В Украине стремление навязать галицийскую идентичность в качестве общенациональной (особенно усердно такой проект проводил В.А. Ющенко) также вызывало до недавних пор серьезное отторжение на Востоке, однако это компенсировалось неизменной поддержкой западно-украинских регионов, что давало власти определенные возможности для маневрирования. В Беларуси же у элит не было такого ресурса: Гродненщина явно не стала белорусским аналогом Галичины. В советский период Беларусь была гораздо более русифицирована, чем Украина, здесь абсолютно доминировали русский язык и культура,

поэтому неудивительно, что восточные и западные области Беларуси никогда не демонстрировали столь явного раскола в своих электоральных предпочтениях. Так, на референдуме 1991 г. о сохранении СССР в самом восточном регионе (в Гомельской области) за сохранение Союза проголосовали 89,6% избирателей, а в самом западном (в Гродненской области) немногим меньше – 79,8% [Буховец, Фурман 1998, с. 32]. Точно также на выборах 1994 г. А.Г. Лукашенко, который шел на них под пророссийскими лозунгами, победил во всех без исключения областях Беларуси [Карбалевиц 1998]¹⁰.

В случае с Молдавией также можно констатировать сосуществование двух конкурирующих идентичностей – молдавской и румынской. Истоки данного разделения уходят в советский период, когда власти в политических целях искусственно конструировали особую общность из бессарабских молдаван, оказавшихся после 1940 г. на территории СССР, стремясь отделить их от румын, которые остались с другой стороны границы [Фурман 2007, с. 280–283]. Это обстоятельство придало специфику молдавскому национальному движению, формировавшемуся на волне перестройки: тогда местные националисты стремились к выходу из состава СССР не для того, чтобы создать собственное молдавское государство, а для того, чтобы присоединиться к Румынии: «Долой границу, разделяющую румынский народ!», таким был главный лозунг Народного фронта в Молдавии [Фурман 2007, с. 286]. Однако вскоре после получения независимости параллельно с этим возникает и проект сохранения собственно молдавской государственности, который поддержала немалая часть общества, в том числе и русскоязычная. Первой впечатляющей победой этих сил стали результаты референдума 1994 г., на котором 90% избирателей высказались за развитие Молдавии как «независимого и единого государства» [Borragan Nieves Perez-Solorzano 1999, p. 224]; в том же году была принята конституция, где государственным языком был объявлен не румынский, а именно молдавский (в реальности языки фактически идентичны, но тут принципиальной являлась сама формулировка).

На сегодняшний день унионисты (сторонники объединения с Румынией) составляют меньшинство населения, о чем говорит, например, тот факт, что лишь 22,7% молдаван хотели бы, чтобы в конституции страны молдавский язык был заменен на румынский [Гуровская 2012]. Однако это меньшинство весьма активное, оно включает в себя значительную часть интеллигенции и студенчества, и с мнением этих людей приходится считаться. Власти дважды – в 1995 и 2002 гг. – пытались заменить название учебной дисциплины «История румын», которую преподают в школах и вузах страны, на «Историю Молдовы», но оба раза это вызывало такие ярые гражданские протесты (включая всеобщую забастовку студентов), что правительству неизменно приходилось отступать [Фурман 2007, с. 308–309]. Довольно прочные позиции унионисты имеют и в политической элите: неслучайно в 2013 г. Конституционный суд Молдавии в противоречие основному закону страны признал государственным языком все-таки румынский, создав любопытный прецедент.

Соответственно, и молдавские историки, которые также делятся на «молдовенистов» и «румынистов», создают две разные версии национального нарратива. Первые делают акцент на таких событиях, как возникновение молдавского

¹⁰ По всей видимости, это последние выборы в стране, к официальным результатам которых можно относиться серьезно.

государства, правление Штефана чел Маре, Дмитрия Кантемира, инкорпорации Молдавии в Российскую империю и т.д. Причем пребывание Молдавии в составе Румынии в 1918–1940 гг. «молдовенисты» нередко считают трагической страницей истории. Вторые же полагают, что гораздо важнее изучать дако-римские войны, процесс формирования румынской нации, основание Румынии в 1859–1861 гг. и пр. [Благодатских 1999, с. 203]. Таким образом, молдавское национальное сообщество продолжает быть сильно разделенным по вопросу о самоидентификации.

В качестве еще одного примера конкуренции идентичностей можно привести Таджикистан, где идут активные дебаты о том, стоит ли считать таджиков частью великой иранской нации, что открывает богатые перспективы национализации древнего наследия Персии и в значительной степени помогает в решении проблемы изобретения традиции, или все-таки следует ориентироваться на собственную таджикскую идентичность, настаивать на ее отличии от иранской, поскольку, став частью иранской нации, таджики растворяются в персидскости, провинциализируются [Abashin 2012, p. 162]. Однако эти дискуссии, в отличие от вышеприведенных, затрагивают скорее узкий слой культурной и политической элиты страны, нежели широкие массы таджикского населения.

Расцвет этноцентризма

Большинство постсоветских республик рассматривают себя как государства определенной (титულიной) нации, понимаемой не в гражданском, а в этнокультурном смысле этого слова, вопреки тому факту, что на момент провозглашения независимости в 1991 г. население почти всех этих государств отнюдь не было этнически гомогенным. Здесь мы сталкиваемся с тем самым феноменом «национализирующего национализма», о котором писал Р. Брубейкер, национализма, выдвигающего «требования от имени титульной нации или национальности, которая определяется в этнокультурных категориях» и «понимается как законный “владелец” государства, которому государство принадлежит и для которого оно существует» [Брубейкер 2000, с. 173]. Апелляция к этничности стала важным инструментом мобилизации электората и увеличения постсоветскими элитами своего символического капитала в сложных социально-экономических и политических условиях. Как известно, одним из способов поддержания политического порядка, наряду с созданием государством определенных институтов и норм, а также применением репрессий, является идеологическое убеждение [Лиеворский 2013, с. 399]. Идеологический вакуум, образовавшийся после крушения советского строя, проще всего оказалось заполнить этнонационализмом.

Рассматривая свои государства как принадлежащие одной этнонации, правящие элиты, тем не менее, должны были предпринять определенные шаги в отношении объективно существующей культурной сложности своих политий. По большому счету, тут было два пути. Первый – это старательно не замечать факт культурного разнообразия. Так происходит, например, в Узбекистане, где президент И.А. Каримов прямо заявляет, что живущее в стране ираноязычное население – это те же узбеки: «Мы, по существу, один народ, говорящий на двух разных языках, таджикском и узбекском» [Abashin 2012, pp. 165–166]. Такая позиция очень удобна, поскольку она снимает все вопросы относительно доступа к ресурсам неузбекских этнических

групп и делает обосновательными дебаты о дискриминации меньшинств, защите их прав и т.д. Второй вариант – все-таки признать полиэтничность государства, но воспринимать ее как досадное недоразумение, которое необходимо устранить либо путем жесткой ассимиляции нетитульного населения, либо через принуждение его к эмиграции. По такому пути шли официальные власти Латвии и Эстонии в первые годы после обретения независимости, когда в этих государствах звучали откровенные призывы к русским добровольно вернуться в Россию и тем самым «разрешить проблему деколонизации» [Фурман, Задорожнюк 2002, с. 450–453].

Разумеется, нужно оговориться, что описываемая ситуация не является одинаковой для всех пятнадцати постсоветских государств. В некоторых национализм был ближе к гражданскому, инклюзивному варианту, чем к национализму «крови и почвы». Скажем, в лукашенковской Беларуси идентичность строится не на этническом материале, а на советских или несоветских символах [Ластовский 2010]. В Азербайджане после прихода к власти Г.А. Алиева была провозглашена идея азербайджанства как единства всех граждан страны вне зависимости от этнического происхождения. По сути, это был проект политической нации, сформулированный элитами после того, как националистическая риторика предыдущего президента А.Г. Эльчибея вызвала недовольство лезгинов, талышей и ряда других этнических групп и поставила под угрозу целостность страны. В Казахстане президентом Н.А. Назарбаевым в качестве консолидирующей была выдвинута идея евразийства, в контексте которой страна позиционировалась как территория, где исторически происходило взаимообогащение славянской, тюркской, монгольской, китайской, ираноязычной цивилизаций [Приложение II 1999, с. 365]. Эта установка сама по себе оказывала сдерживающее влияние на развитие этнонационализма, но только отчасти, поскольку в то же самое время законодательство республики объявляло автохтонным населением лишь этнических казахов, тогда как русские, немцы, уйгуры, узбеки и прочие попадали в категорию «диаспоры», несмотря на то, что многие из названных этнических групп проживали на территории современного Казахстана веками [Хименес-Товар 2014, с. 29]. Поэтому, характеризуя ситуацию в постсоветских странах в целом, ее бесспорно можно назвать временем расцвета этнического национализма, явного доминирования последнего над национализмом гражданским.

Естественно, что обозначенные идеологические установки проявлялись и в конкретных административных практиках. Во многих государствах имеют место факты откровенной дискриминации этнических меньшинств. Благодаря отечественным СМИ россияне хорошо осведомлены о такого рода проблемах, существовавших (и во многом до сих пор нерешенных) у русскоязычного населения в Средней Азии и в странах Балтии, однако в похожей ситуации оказались и живущие в Литве поляки, и казахи в Туркменистане, и узбеки в Киргизии. Последние, оставшись после массовой эмиграции русских самым многочисленным в стране этническим меньшинством (примерно каждый седьмой житель Киргизии узбек), тем не менее, практически не представлены в публичном пространстве: узбеки не входят в киргизскую политическую элиту, их нет в числе министров, они почти отсутствуют в депутатских списках парламента (в 2007 г. лишь 2 депутата из 90 были узбеками). Киргизские власти категорически отказываются рассматривать вопрос о придании узбекскому языку хотя бы регионального статуса в отдельных районах [Абашинов, Савин 2012]. В Казахстане также существуют значительные преференции для титульного населения на административных постах, в ведении бизнеса и прочее.

Хорошо известная проблема русского языка в ряде республик бывшего СССР связана с тем, что русский язык воспринимается как прямая угроза процессу нациестроительства. Язык всегда имел особое значение для идеологии национализма, выступая важным маркером идентичности, и неудивительно, что в условиях расцвета этноцентризма правящие элиты исходят из того, что «правильные» украинцы должны говорить лишь по-украински, а «правильные» эстонцы – только на эстонском языке. Поэтому логично, что наиболее репрессивная политика в отношении русского языка (вытеснение его из публичной сферы и делопроизводства, сокращение числа русскоязычных школ и т.д.), как правило, ведется в тех постсоветских государствах, в которых или (а) язык титульной нации занимает не очень прочные позиции (для большинства населения характерен билингвизм), или (б) присутствует большой массив русскоязычного населения. В тех же странах, где титульному языку, с точки зрения властей, ничего не угрожает, вопрос русского языка стоит гораздо менее остро [Атнашев 2008]. Именно поэтому в Латвии или Молдавии активно сокращаются русские школы и процент изучаемых на русском языке предметов, а в Азербайджане, напротив, количество школ с русским преподаванием с 1991 г. практически не изменилось. Исключения из этого правила составляют три государства. Это Беларусь, где русский язык не только остается главным языком общения, но и имеет статус второго государственного, а также Киргизия и Казахстан, где русский объявлен официальным языком [Забирова 2003, с. 121].

Этноцентричным оказывается и складывающийся в новых государствах исторический нарратив – все исторические построения формируются вокруг понятия «нация» (в этническом смысле), которое становится высшей ценностью [Бордюгов, Бухараев 2011, с. 121–154]. Отсюда появляется знак равенства между историей страны и историей соответствующего титульного этноса. В результате всем молдавским школьникам, в том числе болгарам, гагаузам, русским и украинцам, приходится изучать «историю румын», а не историю Молдовы, а школьникам Киргизии, вне зависимости от этнической принадлежности – «историю киргизов», а не Кыргызстана. При этом в новых историографиях титульная нация неизменно изображается как автохтонное население, существующее на данной территории с незапамятных времен. Так, в Средней Азии современные именования «таджик», «узбек», «туркмен» и т.д., которые начали употребляться в качестве конкретных этнонимов лишь при советской власти [Абашинов 1997, с. 464; Абашинов 2007, с. 30; Шукуров 1999, с. 237], опрокидываются в глубокую древность, и вот уже легендарный Огуз-хан, живший в начале III тыс. до н.э., объявляется «родоначальником туркменской нации» [Шнирельман 2011, с. 367], «туркменскими» же провозглашаются и все государства прошлого, которые когда-либо существовали на территории современного Туркменистана. Такой сомнительный с точки зрения исторической науки ход позволяет, тем не менее, легитимировать факт появления новых политий после распада Советского Союза и заявить, что получение независимости в 1991 г. было не случайностью, не следствием стечения ряда обстоятельств, а закономерностью, итогом всего исторического развития нации, понимаемой в чисто примордиалистском ключе.

Порой создается ощущение, что многие постсоветские государства решили распространить лозунг «долой культурное разнообразие!» буквально на все сферы жизни общества. Так, в Таджикистане была сознательно подчищена вся топонимика страны: стерты не только советские названия (Ленинабад), но и многие тюркоязыч-

ные (Ура-Тюбе) [Полищук 2011, с. 48]. Точно также в Армении едва ли остались города и улицы с азербайджанскими и вообще тюркскими именами и названиями, а в Азербайджане, в частности, в Нахичевани, уничтожаются все армянские кладбища и церкви для того, чтобы доказать, что армяне здесь никогда не жили [Бутрин 2013]. По законам Латвии все, в том числе нелатышские имена, должны при написании изменяться по правилам латышского языка [Ярве 2013, с. 49]. Во многих республиках сильно этнизировано и публичное пространство: в Киргизии государственные учреждения, улицы и музеи заполнены исключительно символами кыргызскости, от героев киргизской истории до различных элементов киргизской культуры. По-другому и быть не может, ведь в конституции, принятой при К.С. Бакиеве, киргизская государственность определялась как «государственность кыргызского народа» (а не всех кыргызстанцев), из чего можно сделать вывод, что все некиргизы априори воспринимаются здесь как чужие [Абашин, Савин 2012, с. 29].

Заключение

В политике идентичности, которую осуществляют постсоветские государства, есть много общего: это изобретение древней культурной и политической традиции, самовиктимизация имперского прошлого, изображение его в качестве времени «оккупации» национальной территории, ее эксплуатации в пользу метрополии, активное использование этноцентристской идеологии для политической мобилизации населения и т.д. В то же время в каждом государстве бывшего СССР указанные стратегии имели и свою специфику, которая определяется характером его отношений с Россией, соотношением размеров титульного и нетитульного населения, предпочтениями конкретных политиков и прочими объективными и субъективными факторами.

Бывшие союзные республики начали процесс создания национальных государств в различных стартовых условиях. Армения, например, была достаточно гомогенной в этнокультурном смысле; армянское общество хранило воспоминания о древних традициях государственности, могло опереться на символы национальной идентичности (принадлежность к армянской церкви или память о геноциде 1915 г.) и, кроме того, консолидировалось в результате карабахского конфликта и противостояния азербайджанской угрозе. В похожей ситуации находились страны Балтии, где к моменту выхода из состава СССР существовали массовые национальные движения, и значительная часть общества была захвачена идеологией скорейшего возвращения в Европу. В то же время в других постсоветских государствах существовали менее благоприятные с точки зрения нацистроительства условия. В особенности это касалось среднеазиатских политий, где получение независимости, «которую не ждали и за которую... не боролись» [Исабаева 2014, с. 12], стало полной неожиданностью как для местных элит, так и для населения, а общегражданская идентичность должна была конкурировать с трайбализмом и регионализмом. В этом регионе ответ на вопрос «откуда будешь родом?» был и остается намного важнее принадлежности к общему гражданству [Исабаева 2014, с. 13]. Однако оглядываясь назад, на двадцатипятилетний период независимости, можно сказать, что определенных успехов в реализации политики идентичности добились все постсоветские

государства. Единственный случай радикального раскола общества – это Таджикистан, где в 1992–1997 гг. произошла гражданская война, едва не разрушившая государственность. Но и в этой стране конфликт был в конечном итоге успешно разрешен. Ни одна постсоветская республика не превратилась в классический образец *failed state* наподобие Сомали, хотя в Грузии, Азербайджане, Молдавии, а в настоящее время и на Украине центральное правительство не контролирует всю территорию страны в ее советских границах. Поэтому можно утверждать, что программу-минимум – сохраниться в качестве государства – все республики бывшего СССР так или иначе выполнили.

Сложнее обстоит ситуация с программой-максимум – то есть с созданием устойчивой общегражданской лояльности, консолидированной политической нации. В этой статье была поднята тема ценностных расколов, конкуренции идентичностей, которые существуют во многих постсоветских государствах, и присоединение Крыма к России, события на юго-востоке Украины стали красноречивой иллюстрацией данной проблемы. Оставляя в стороне широко обсуждаемый сегодня вопрос о роли России в дестабилизации ситуации на Донбассе и создании условий для отделения Крыма от Украины, стоит признать, что в этих регионах существовал серьезный дефицит лояльности к украинскому государству со стороны местного населения (в первую очередь это касается Крыма). Думается, что не последнюю роль здесь сыграла та самая ставка украинского истеблишмента на этноцентризм, о которой говорилось выше. Отождествление украинскости с галицийской идентичностью, сознательный отказ от поощрения двуязычия и других проявлений культурного разнообразия негативно влияли на настроение востока и юго-востока Украины. «Национализирующий национализм» естественным образом привел к ситуации, когда люди, не принадлежащие к титульному этносу, не смогли в полной мере воспринимать государство, в котором они живут, как свое, отказались проявлять лояльность к официальному нарративу. Проблемы, аналогичные украинским, хотя и в меньшем масштабе, существуют в Эстонии и Латвии. Унизительный статус неграждан, в котором до сих пор находятся десятки тысяч людей, вызывает у многих чувство протеста, неприятия данной ситуации, тем более что Россия предоставляет русскоязычным жителям этих стран возможность перехода в свое гражданство. Приведем весьма убедительные цифры: в 2010–2011 гг. в Латвии число тех, кто принял российское гражданство, почти в два раза превышало количество натурализовавшихся неграждан – 8652 чел. против 4803 чел. соответственно [Ярве 2013, с. 60].

Поэтому для многих постсоветских государств задача национальной консолидации по-прежнему остается актуальной. Думается, что важной частью этого процесса могла бы стать диалогизация публичного пространства, поиск ценностного консенсуса по основополагающим вопросам и создание общегражданского дискурса, разделяемого всеми членами общества, отказ от сомнительной идеи приватизации государства доминирующей этнической группой, преодоление черно-белых трактовок национальной истории с обязательным поиском виновного в своих бедах и несчастьях. Только так может сформироваться доверие между людьми, которое еще Джон Локк считал важнейшей связующей силой в обществе. Это сложная задача, однако зримой альтернативой обществу доверия является состояние, которое другой великий англичанин Томас Гоббс определил афоризмом «человек человеку волк». Для разумных политиков и ответственных общественных сил выбор очевиден.

Литература

- Абашин С.Н. (1997) Социальные корни среднеазиатского исламизма (на примере одного узбекского селения) // Олкотт М.Б., Тишков В.А., Малащенко А. (ред.) Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М.: Центр Карнеги. С. 447–467.
- Абашин С.Н. (2007) Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб: Алетейя.
- Абашин С.Н. (2008) Зарождение и современное состояние среднеазиатских национализмов // Тишков В.А., Шнирельман В.А. (ред.) Национализм в мировой истории. М.: Наука. С. 351–374.
- Абашин С.Н., Савин И. (2012) Ош, 2010: конфликтующая этничность // Тишков В.А., Шнирельман В.А. (ред.) Этничность и религия в современных конфликтах. М.: Наука. С. 23–56.
- Атнашев Т.М. (2008) Три круга и будущее русского языка на постсоветском пространстве. К политике общего наследия // Миллер А.И. (ред.) Наследие империй и будущее России. М.: Либеральная миссия; НЛО. С. 294–339.
- Ачкасов В.А. (2012) Политика идентичности мультиэтничных государств в контексте решения проблемы безопасности. СПб: Изд-во С.-Петербургского ун-та.
- Бейссингер М. (2002) Объяснение балтийской исключительности: идеология реставрационизма и границы политического воображения // Фурман Д.Е., Задорожнюк Э.Г. (ред.) Страны Балтии и Россия: общества и государства. М.: Реферendum. С. 294–313.
- Благодатских И. (1999) Молдова и Приднестровье в поисках «своей» истории // Аймермахер К., Бордюгов Г. (ред.) Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М.: АИРО-XX. С. 195–208.
- Бордюгов Г., Бухараев В. (ред.) (2011) Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. М.: АИРО-XXI.
- Брубейкер Р. (2000) Национальные меньшинства, национализирующиеся государства и внешние национальные отечества в новой Европе // Празаускас А.А. (ред.) Этнос и политика. Хрестоматия. М.: Изд-во УРАО. С. 174–178.
- Бутрин Ш. (2013) Топором и пером // Русский репортер. № 45 (323). 14 ноября 2013 // <http://www.rusrep.ru/article/2013/11/10/aylisl>
- Буховец О., Фурман Д. (1998) Электоральное поведение белорусских регионов // Фурман Д.Е. (ред.) Белоруссия и Россия: общества и государства. М.: Права человека. С. 184–223.
- Васильев В. (1999) От Киевской Руси к независимой Украине: новые концепции украинской истории // Аймермахер К., Бордюгов Г. (ред.) Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М.: «АИРО-XX». С. 206–227.
- Гуровская З. (2012) Молдаване не хотят переименовывать молдавский язык в румынский // Укринформ. 20.11.2012 // http://www.ukrinform.ua/rus/news/moldavane_ne_hotyat_pereimenovivat_moldavskiy_yazik_v_ruminskiy_opros_1466119
- Дадабаева З.А. (2008) Партийно-политическая система в странах Центральной Азии // Дашичев В.И. (ред.) Социально-экономические и политические процессы на постсоветском пространстве. М.: Издательство ЛКИ. С. 90–115.
- Забилова А.Т. (2003) Формирование, легитимация и воспроизводство идентичности в постсоветском Казахстане // Социологические исследования. № 12. С. 118–126.
- Исабаева Э. (2014) Политические предпосылки дихотомии «Север-Юг» в Кыргызстане // Этнографическое обозрение. № 4. С. 10–19.
- Искандарян А., Арутюнян Б. (1999) Армения: «карабахизация» национальной истории // Аймермахер К., Бордюгов Г. (ред.) Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М.: «АИРО-XX». С. 145–158.
- Карбалевиц В. (1998) Путь Лукашенко к власти // Фурман Д.Е. (ред.) Белоруссия и Россия: общества и государства. М.: Права человека. С. 226–258.
- Касьянов Г., Миллер А. (2011) Россия – Украина. Как пишется история. Диалоги. Лекции. Статьи. М.: РГГУ.
- Константинов С., Ушаков А. (1999) Восприятие истории народов СССР в России и исторические образы России на постсоветском пространстве // Аймермахер К., Бордюгов Г. (ред.) Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М.: АИРО-XX. С. 73–102.

- Кравченко В. (2006) Украина, империя, Россия... (обзор современной украинской историографии) // Долбиллов М., Миллер А. (ред.) Западные окраины Российской империи. М.: НЛО. С. 456–502.
- Ластовский А. (2010) Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой // Polit.ru. 19.07.2010 // <http://polit.ru/article/2010/07/19/belorus/#a14>
- Мартин Т. (2011) Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН.
- Неменский О. (2011) Символическое унижение // Русский журнал // <http://www.russ.ru/pole/Simvolicheskoe-unizhenie>
- Никифоров И.В. (2013) Политика исторической памяти в странах Балтии. Опыт и современное состояние // Полещук В.В., Степанов В.В. (ред.) Этническая политика в странах Балтии. М.: Наука. С. 92–154.
- Нора П. (1999) Проблематика мест памяти // Нора П. (ред.) Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. С. 17–50.
- Пидвызенный М. (2011) Колонка главного редактора // Weekly.ua. № 32(75). 19.08–01.09.2011.
- Полищук Н. (2011) Душанбе. Базары и индийские фильмы // Weekly.ua. № 32(75). 19.08–01.09.2011.
- Приложение II (1999) Концепция становления исторического сознания в Республике Казахстан // Аймермахер К., Бордюгов Г. (ред.) Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М.: «АИРО-XX». С. 364–370.
- Пшеворский А. (2013) Политический институт и политический порядок // Мигранян А.М., Пшеворский А. (ред.) Демократия в российском зеркале. М.: МГИМО-Университет. С. 398–429.
- Румянцев С. (2011) Героический эпос и конструирование образа исторического врага // Герасимов И., Могильнер М., Семенов А. (ред.) Империя и нация в зеркале исторической памяти. М.: Новое изд-во. С. 328–356.
- Смит М. (2001) Память об утратах и азербайджанское общество // Фурман Д.Е. (ред.) Азербайджан и Россия: общества и государства. М.: Летний сад. С. 88–117.
- Сутела П. (2002) Экономическая трансформация в России и странах Балтии: общие (во многом) стартовые условия и разные (совсем) результаты // Фурман Д.Е., Задорожнюк Э.Г. (ред.) Страны Балтии и Россия: общества и государства. М.: Реферendum. С. 364–391.
- Токть С. (2006) Российская империя и ее политика на белорусских землях в XIX – начале XX в. в современной белорусской историографии // Долбиллов М., Миллер А. (ред.) Западные окраины Российской империи. М.: НЛО. С. 503–532.
- Франсуа Э. (2011) «Места памяти» по-немецки // Герасимов И., Могильнер М., Семенов А. (ред.) Империя и нация в зеркале исторической памяти. М.: Новое изд-во. С. 30–44.
- Фурман Д.Е. (2002) Опыт балтийских стран и его значение для России // Фурман Д.Е., Задорожнюк Э.Г. (ред.) Страны Балтии и Россия: общества и государства. М.: Реферendum. С. 3–28.
- Фурман Д.Е. (2007) Молдавские молдаване и молдавские румыны // Доклады Института Европы РАН. № 206. С. 26–159.
- Фурман Д.Е., Абасов А. (2001) Азербайджанская революция // Фурман Д.Е. (ред.) Азербайджан и Россия: общества и государства. М.: Летний сад. С. 118–176.
- Фурман Д., Задорожнюк Э. (2002) Притяжение Балтии. Балтийские русские и балтийские культуры // Фурман Д.Е., Задорожнюк Э.Г. (ред.) Страны Балтии и Россия: общества и государства. М.: Реферendum. С. 439–479.
- Фурман Д., Шерматова С. (2013) Киргизские циклы: как рушатся режимы. М.: Территория будущего.
- Хименес-Товар С. (2014) «Казахстанизация» Казахстана: языковая политика, национализм и этнические меньшинства // Этнографическое обозрение. № 4. С. 27–35.
- Хобсбаум Э. (2002) Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Андерсон Б., Бауэр О., Хрох М. (ред.) Нации и национализм. М.: Праксис. С. 332–346.
- Шнирельман В. (2000) Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Олкотт М.Б., Малащенко А. (ред.) Реальность этнических мифов. М.: Гендальф. С. 12–33.
- Шнирельман В.А. (2003) Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: ИКЦ «Академкнига».

- Шнирельман В. (2011) Президенты и археология, или что ищут политики в древности // Герасимов И., Могильнер М., Семенов А. (ред.) Империя и нация в зеркале исторической памяти. М: Новое изд-во. С. 357–405.
- Шукуров Р. (1999) Таджикистан: муки воспоминания // Аймермахер К., Бордюгов Г. (ред.) Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М.: «АИРО-XX». С. 228–254.
- Ярве П. (2013) Советское наследие и современная этнополитика стран Балтии // Полещук В.В., Степанов В.В. (ред.) Этническая политика в странах Балтии. М.: Наука. С. 39–63.
- Abashin S. (2012) Nation-construction in post-Soviet Central Asia // *Soviet and post-Soviet Identities* (eds. Bassin M., Kelly C.). Cambridge University Press, pp. 150–168.
- Borragan Nieves Perez-Solorzano (1999) Moldova, a Hot Spot on the CIS map? // *Ethnicity and Nationalism in Russia, the CIS and the Baltic States* (eds. Williams C., Sfikas T.D.). Ashgate Publishing Ltd, pp. 211–234.
- Hobsbawm E., Ranger T. (eds.) (1983) *The Invention of Tradition*. Cambridge University Press.
- Miazhevich G. (2012) Religious Affiliation and the Politics of post-Soviet Identity: the Case of Belarus // *Soviet and post-Soviet Identities* (eds. Bassin M., Kelly C.). Cambridge University Press, pp. 341–361.
- Stepanenko V., Sorokopud S. (1999) The Construction of National Identity: a Case Study of the Ukraine // *Ethnicity and Nationalism in Russia, the CIS and the Baltic States* (eds. Williams C., Sfikas T.D.). Ashgate Publishing Ltd, pp. 184–210.
-
-

Nation-Building: Identity Policies in Post-Soviet States

D. LETNYAKOV*

***Denis Letnyakov** – Candidate of Political Sciences, Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Address: bldg. 82, Vernadskogo Pr., Moscow, 119571, Russian Federation. E-mail: letnyakov@mail.ru

Citation: Letnyakov D. (2016) *Nation-Building: Identity Policies in Post-Soviet States*. *Mir Rossii*, vol. 25, no 2, pp. 144–167 (in Russian)

Abstract

Nation-building was one of the main problems faced by post-Soviet states after the collapse of the USSR. Many of these states did not have a long tradition of nationhood, and they were not ethno-culturally homogeneous. In some cases the political independence which came with the fall of the Soviet Union was not even the result of a nation-wide struggle (e.g. in Central Asia and Belorussia). All of this created a serious challenge for the political and intellectual elites who had to legitimize the sovereignty of their societies. This article explores different policies of nation-building in the post-Soviet space. Among them are the invention (or fundamental revision) of the historical narrative, the invention

of a particularist cultural and political tradition, the active use of postcolonial discourse and an ideology of ethnical nationalism. In addition, the article deals with other aspects of the nation-building process, such as identity conflicts within societies (e.g. the East and West divide in Ukraine and Belarus, and the Moldavianian-Roumanian divide in Moldova) and ‘memory wars’—conflicts between different interpretations of history. The article concludes that identity policies in post-Soviet states were largely successful, because none of the newly independent states became a failed state. On the other hand, nation-building in these states has not been fully accomplished, which manifests itself in the weak loyalty of citizens. In addition, some post-Soviet states have so far proven unable to maintain a nationwide discourse which would include ethnic, linguistic and other minorities.

Keywords: nation, empire, USSR, identity, post-Soviet space, politics of memory, nation-building

References

- Abashin S. (1997) Sotsial'nye korni sredneaziatskogo islamizma (na primere odnogo uzbekskogo selenia) [Social Roots of Central Asia Islamism (Through the Example of One Uzbek Settlement)]. *Identichnost' i konflikt v postsovetskikh gosudarstvakh* [Identity and Conflict in the Post-Soviet States] (eds. Olcott M.B., Tishkov V.A., Malashenko A.), Moscow: Centr Karnegi, pp. 447–467.
- Abashin S.N. (2007) *Natsionalizmy v Srednei Azii: v poiskakh identichnosti* [Nationalisms in Central Asia: in Search of Identity], SPb: Aleteya.
- Abashin S.N. (2008) Zarozhdenie i sovremennoe sostoyanie sredneaziatskikh natsionalizmov [Origin and Contemporary Condition of Central Asia Nationalisms]. *Natsionalizm v mirivoi istorii* [Nationalism in World History] (eds. Tishkov V.A., Shnirel'man V.A.), Moscow: Nauka, pp. 351–374.
- Abashin S. (2012) Nation-construction in post-Soviet Central Asia. *Soviet and post-Soviet Identities* (eds. Bassin M., Kelly C.), Cambridge University Press, pp. 150–168.
- Abashin S., Savin I. (2012) Osh, 2010: konfliktuyuschaya etnichnost' [Osh, 2010: Conflictory Identity]. *Etnichnost' i religiya v sovremennykh konfliktakh* [Ethnicity and Religion in Contemporary Conflicts] (eds. Tishkov V.A., Shnirel'man V.A.), Moscow: Nauka, pp. 23–56.
- Achkasov V.A. (2012) *Politika identichnosti mul'tietnichnykh gosudarstv v kontekste resheniya problemy bezopasnosti* [Identity Politics of Multi-ethnic States in the Context of Security Problem], SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.
- Atnashev T.M. (2008) Tri kruga i budushchee russkogo yazyka na postsovetskom prostranstve. K politike obshchego naslediya [Three Spheres and the Future of Russian Language in the Post-Soviet Space. Towards the Policy of Common Heritage]. *Nasledie imperii i budushchee Rossii* [Empire Heritage and Future of Russia] (ed. Miller A.I.), Moscow: Liberal'naya missiya; NLO, pp. 294–339.
- Bassinger M. (2002) Ob'yasnenie baltiyskoi iskluchitel'nosti: ideologiya restavratsionizma i granitsy politicheskogo voobrazeniya [The Explanation of Baltic Exceptionalism: Restoration Ideology and Borders of Political Imagination]. *Strany Baltii i Rossiya: obshchestva i gosudarstva* [The Baltic States and Russia: Societies and States] (eds. Furman D.E., Zadorozhnik E.G.), Moscow: Referendum, pp. 294–313.
- Blagodatskikh I. (1999) Moldova i Pridnestrov'e v poiskakh “svoei” istorii [Moldova and Transdnistria in Search of Their “Own” History]. *Natsional'nye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh* [National Histories in Soviet and post-Soviet States] (eds. Aimermakher K., Bordugov G.), Moscow: AIRO-XX, pp. 195–208.

- Bordugov G., Bukharaev V. (eds.) (2011) *Vcherashnee zavtra: kak "natsional'nye istorii" pisalis' v SSSR i kak pishutsa teper'* [Yesterday's Tomorrow: How "National Histories" Were Written in the USSR and How They Are Written Now], Moscow: AIRO-XXI.
- Borragan Nieves Perez-Solorzano (1999) Moldova, a Hot Spot on the CIS map? *Ethnicity and Nationalism in Russia, the CIS and the Baltic States* (eds. Williams C., Sfikas T.D.), Ashgate Publishing Ltd, pp. 211–234.
- Brubaker R. (2000) Natsional'nye men'shinstva, natsionaliziruushchiesya gosudarstva i vneshnie natsional'nye otechestva v novoi Evrope [Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe]. *Etnos i politika. Khrestomatiya* [Ethnicity and Politics. Reading Book] (ed. Prazauskas A.A.), Moscow: Izdatel'stvo URAO, pp. 174–178.
- Bukhovets O., Furman D. (1998) Electoral'noe povedenie belorusskikh regionov [Electoral Behavior of Belorussian Regions]. *Belorussiya i Rossiya: obshchestva i gosudarstva* [Belorussia and Russia: Societies and States] (ed. Furman D.E.), Moscow: Prava cheloveka, pp. 184–223.
- Butrin Sh. (2013) Toporom i perom [By Means of Axe and Pen]. *Russkii reporter*, no 45 (323). 14 November 2013. Available at: <http://www.rusrep.ru/article/2013/11/10/aylisli>, accessed 28 February 2016.
- Dadabaeva Z.A. (2008) Partiino-politicheskaya sistema v stranakh Central'noi Azii [Political Party System in Central Asia States]. *Sotsial'no-ekonomicheskie i politicheskie protsessy na postsovetkom prostranstve* [Social-economic and Political Processes in the Post-Soviet Space] (ed. Dashichev V.I.), Moscow: LKI, pp. 90–115.
- Francois E. (2011) «Mesta pamyati» po-nemetski ["Memory Places" in Germany]. *Imperiya i natsiya v zerkale istoricheskoi pamyati* [Empire and Nation in the Mirror of Historic Memory] (eds. Gerasimov I., Mogil'ner M., Semenov A.), Moscow: Novoe izdatel'stvo, pp. 30–44.
- Furman D.E. (2002) Opyt baltiyskikh stran i ego znachenie dlya Rossii [The Baltic States Background and Its Meaning for Russia]. *Strany Baltii i Rossiya: obshchestva i gosudarstva* [The Baltic States and Russia: Societies and States] (eds. Furman D.E., Zadorojnuk E.G.), Moscow: Izdatel'stvo "Referendum", pp. 3–28.
- Furman D.E. (2007) Moldavskie moldavane i moldavskie rumyny [The Moldovan Moldavians and the Moldovan Roumanians]. *Doklad Instituta Evropy RAN* [The Report of the Institute of Europe of RAN], no 206, pp. 26–159.
- Furman D.E., Abasov A. (2001) Azerbaidzhanskaya revolyutsiya [Azerbaijani Revolution]. *Azerbaidzhan i Rossiya: obshchestva i gosudarstva* [Azerbaijan and Russia: Societies and States] (ed. Furman D.E.), Moscow: Letnii sad, pp. 118–176.
- Furman D., Shermatova S. (2013) *Kirgizskie tsikly: kak rushatsya regimy* [Kyrgyz Cycles: How the Regimes Collapse], Moscow: Territoriya budushchego.
- Furman D.E., Zadorozhnik E.G. (2002) Prityazhenie Baltii (baltiyskie russkie i baltiyskie kul'tury) [Baltic's Attraction (the Baltic Russians and the Baltic Cultures)]. *Strany Baltii i Rossiya: obshchestva i gosudarstva* [The Baltic States and Russia: Societies and States] (eds. Furman D.E., Zadorozhnik E.G.), Moscow: Referendum, pp. 439–479.
- Gurovskaya Z. (2012) Moldavane ne hotyat pereimenovyvat' moldavskiy yazyk v rumynskiy [Moldavians Against Renaming Moldavian Language Into Romanian]. *Ukrinform.ua*, 20 November 2012. Available at: http://www.ukrinform.ua/rus/news/moldavane_ne_hotyat_pereimenovivat_moldavskiy_yazyk_v_rumynskiy__opros_1466119, accessed 28 February 2016.
- Himenes-Tovar S. (2014) «Kazakhstanizatsiya» Kazakhstana: yazykovaya politika, natsionalizm i etnicheskie men'shinstva ["Kazakhstanization" of Kazakhstan: Language Policy, Nationalism and Ethnic Minorities]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no 4, pp. 27–35.
- Hobsbawm E.J. (2002) Printsip etnicheskoi prinadlezhnosti i natsionalizm v sovremennoi Evrope [Ethnicity and Nationalism in Europe Today]. *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism] (eds. Anderson B., Bauer O., Khrokh M.), Moscow: Praksis, pp. 332–346.
- Hobsbawm E., Ranger T. (eds.) (1983) *The Invention of Tradition*, Cambridge University Press.
- Isabaeva E. (2014) Politicheskie predposylki dikhotomii "Sever-Ug" v Kyrgyzstane [The Political Preconditions of the 'North-South' Dichotomy in Kyrgyzstan]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no 4, pp. 10–19.

- Iskandaryan A., Arutyunyan B. (1999) Armeniya: «karabakhizatsiya» natsional'noi istorii [Armenia: “Karabaghization“ of the National History]. *Natsional'nye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh* [National Histories in the Soviet and post-Soviet States] (eds. Aymermakher K., Bordugov G.), Moscow: AIRO-XX, pp. 145–158.
- Karbalevich V. (1998) Put' Lukashenko k vlasti [Lukashenko's Road to Power]. *Belorussiya i Rossiya: obshchestva i gosudarstva* [Belorussia and Russia: Societies and States] (ed. Furman D.E.), Moscow: Prava cheloveka, pp. 226–258.
- Kas'yanov G., Miller A. (2011) *Rossiya – Ukraina. Kak pishetsa istoriya. Dialogi. Leksii. Stat'i* [Russia-Ukraine. How History Is Being Written. Dialogues. Lectures. Papers], Moscow: RGGU.
- Konstantinov S., Ushakov A. (1999) Vospriyatie istorii narodov SSSR v Rossii i istoricheskie obrazy Rossii na postsovetskom prostranstve [Perception of the USSR Peoples' Histories in Russia and Historic Image of Russia in the post-Soviet Space]. *Natsional'nye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh* [National Histories in the Soviet and post-Soviet States] (eds. Aymermakher K., Bordugov G.), Moscow: AIRO-XX, pp. 73–102.
- Kravchenko V. (2006) Ukraina, imperiya, Rossiya... (obzor sovremennoi ukrainskoi istoriografii) [Ukraine, Empire, Russia... (Review of Contemporary Ukrainian Historiography)]. *Zapadnye okrainy Rossiiskoi imperii* [Western Outskirts of Russian Empire] (eds. Dolbilov M., Miller A.), Moscow: NLO, pp. 456–502.
- Lastovskii A. (2010) Spetsifika istoricheskoi pamyati v Belarusi: mezhdru sovetskim proshlym i natsional'noi perspektivoi [Specificity of Historic Memory in Belarus: Between the Soviet Past and the Nation's Future]. *Polit.ru*. 19 July 2010. Available at: <http://polit.ru/article/2010/07/19/belorus/#a14>, accessed 28 February 2016.
- Martin T. (2011) *Imperiya «polozhitel'noi deyatel'nosti»*. *Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939*. [The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the USSR, 1923–1939], Moscow: ROSSPEN.
- Miazhevich G. (2012) Religious Affiliation and the Politics of Post-Soviet Identity: the Case of Belarus. *Soviet and post-Soviet Identities* (eds. Bassin M., Kelly C.), Cambridge University Press, pp. 341–361.
- Nemenskii O. (2011) Simvolicheskoe unizhenie [Symbolic Indignity]. *Russkii zhurnal.ru*. Available at: <http://www.russ.ru/pole/Simvolicheskoe-unizhenie>, accessed 28 February 2016.
- Nikiforov I.V. (2013) Politika istoricheskoi pamyati v stranakh Baltii. Opyt i sovremennoe sostoyanie [Memory Politics in the Baltic States. Historic Experience and Current Situation]. *Etnicheskaya politika v stranakh Baltii* [Ethnic Policy in the Baltic States] (eds. Poleshchuk V.V., Stepanov V.V.), Moscow: Nauka, pp. 92–154.
- Nora P. (1999) Problematika mest pamyati [The Problem of “Memory places”]. *Frantsiya-mat'* [Mother France] (ed. Nora P.), SPb., pp. 17–50.
- Pidvyazennii M. (2011) Kolonka glavnogo redaktora [Editor's-in-Chief Column]. *Weekly.ua*, no 32(75). 19.08–01.09.2011, p. 4.
- Polischuk N. (2011) Dushanbe. Bazary i indiiskie filmy [Dushanbe. Markets and Indian Films]. *Weekly.ua*, no 32(75). 19.08–01.09.2011, pp. 48–50.
- Prilozhenie II (1999) Kontseptsiya stanovleniya istoricheskogo soznaniya v Respublike Kazakhstan [Appendix II. Conception of Development of Historic Consciousness in the Republic of Kazakhstan]. *Natsional'nye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh* [National Histories in the Soviet and post-Soviet States] (eds. Aimermakher K., Bordugov G.), Moscow: AIRO-XX, pp. 364–370.
- Pshevorskii A. (2013) Politicheskii institut i politicheskii poryadok [Political Institute and Political Order]. *Demokratiya v rossiiskom zerkale* [Democracy in the Russian Mirror] (eds. Migranyan A.M., Pshevorskii A.), Moscow: MGIMO-Universitet, pp. 398–429.
- Rumyantsev S. (2011) Geroicheskii epos i konstruirovaniye obraza istoricheskogo vruga [Heroic Epic and Construction of Historic Enemy's Image]. *Imperiya i natsiya v zerkale istoricheskoi pamyati* [Empire and Nation in the Mirror of Historic Memory] (eds. Gerasimov I., Mogil'ner M., Semenov A.), Moscow: Novoe izdatel'stvo, pp. 328–356.
- Shnirel'man V. (2000) Tsennost' proshlogo: etnotsentristskie istoricheskie mify, identichnost' i etnopolitika [Value of the Past: Ethnocentric Historic Myths, Identity and Ethnopolitics]. *Realnost' etnicheskikh mifov* [Actuality of Ethnic Myths] (eds. Olcott M.B., Malashenko A.), Moscow: Gendal'f, pp. 12–33.

- Shnirel'man V.A. (2003) *Voiny pamyati: mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e* [Memory Wars: Myths, Identity and Politics in Trans-Caucasian Region], Moscow: Akademkniga.
- Shnirel'man V. (2011) Prezidenty i arheologiya, ili chto ishchut politiki v drevnosti [The Presidents and Archeology or What Politicians Find in Antiquity]. *Imperiya i natsia v zerkale istoricheskoi pamyati* [Empire and Nation in the Mirror of Historic Memory] (eds. Gerasimov I., Mogil'ner M., Semenov A.), Moscow: Novoe izdatel'stvo, pp. 357–405.
- Shukurov R. (1999) Tadjikistan: muki vospominaniya [Tajikistan: Ordeals of Remembrance]. *Natsional'nye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh* [National Histories in the Soviet and post-Soviet States] (eds. Aimermakher K., Bordugov G.), Moscow: AIRO-XX, pp. 228–254.
- Smit M. (2001) Pamyat' ob utratkakh i azerbaydzhanskoe obshchestvo [Memory about Losses and Azerbaijanian Society]. *Azerbaydzhan i Rossiya: obshchestva i gosudarstva* [Azerbaijan and Russia: Societies and States] (ed. Furman D.E.), Moscow: Letnii sad, pp. 88–117.
- Stepanenko V., Sorokopud S. (1999) The Construction of National Identity: a Case Study of the Ukraine. *Ethnicity and Nationalism in Russia, the CIS and the Baltic States* (eds. Williams C., Sfikas T.D.), Ashgate Publishing Ltd, pp. 184–210.
- Sutela P. (2002) Ekonomicheskaya transformatsiya v Rossii i stranakh Baltii: obshchie (vo mnogom) startovye usloviya i raznye (sovsem) rezul'taty [Economic Transformation in Russia and in the Baltic States: (Largely) Common Starting Conditions and (Entirely) Divergent Outcomes]. *Strany Baltii i Rossiya: obshchestva i gosudarstva* [The Baltic States and Russia: Societies and States] (eds. Furman D.E., Zadorozhnik E.G.), Moscow: Izdatel'stvo Referendum, pp. 364–391.
- Tokt' S. (2006) Rossiyskaya imperiya i ee politika na belorusskikh zemlyakh v XIX – nachale XX v. v sovremennoi belorusskoi istoriografii [Russian Empire and Its Policy towards the Belorussian Territories in XIX – the early XX century in Contemporary Belorussian Historiography]. *Zapadnye okrainy Rossiiskoi imperii* [Western Outskirts of Russian Empire] (eds. Dolbilov M., Miller A.), Moscow: NLO, pp. 503–532.
- Vasil'ev V. (1999) Ot Kievskoi Rusi k nezavisimoi Ukraine: novye kontseptsii ukrainskoi istorii [From Kievan Rus towards Independent Ukraine: New Conceptions of Ukraine History]. *Natsional'nye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh* [National Histories in the Soviet and post-Soviet States] (eds. Aymermakher K., Bordugov G.), Moscow: AIRO-XX, pp. 206–227.
- Yarve P. (2013) Sovetskoe nasledie i sovremennaya etnopolitika stran Baltii [Soviet Heritage and Contemporary Ethnopolitics in the Baltic States]. *Etnicheskaya politika v stranakh Baltii* [Ethnic Policy in the Baltic States] (eds. Poleschuk V.V., Stepanov V.V.), Moscow: Nauka, pp. 39–63.
- Zabirova A.T. (2003) Formirovanie, legitimatsiya i vosproizvodstvo identichnosti v postsovetskom Kazakhstane [Formation, Legitimation and Reproduction of Identity in post-Soviet Kazakhstan]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 12, pp. 118–125.